

DOI: 10.17976/jpps/2017.05.11

ИДЕИ И ЦЕННОСТИ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Г.В. Пушкарева

ПУШКАРЕВА Галина Викторовна, доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Для связи с автором: pushkarjeva@spa.msu.ru

Пушкарева Г.В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. – Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 156–173. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>

Исследование осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 17-03-00590).

Статья поступила в редакцию: 24.04.2017. Принята к печати: 26.06.2017

Аннотация. Автор рассматривает нацию как “воображаемое политическое сообщество” (по Б. Андерсону), конструирование которого осуществляется с помощью знаков, идей и ценностей, обретающих символическую форму и образующих национальное символическое пространство. Национальная идентичность определяется как особый вид психологической связи личности с политической нацией, делающей индивида чувствительным к тому, что касается его государства, его страны. Основная гипотеза исследования: если формирование нации – это создание с помощью идей и ценностей символических форм, в которых воплощаются совместно создаваемые репрезентации, то национальная идентичность складывается в процессе интериоризации этих символических форм, их отображения в психике людей. В статье выделяется два вида символов: *символы-сигнификаторы*, выполняющие номинативную функцию, и *символы-интеграторы* (мифологемы и идеологемы), несущие в себе смысловые интерпретации образа нации. Показывается, что символы-сигнификаторы в отличие от простых знаков способны вызывать определенные эмоциональные состояния, в которых отображается чувственное отношение индивида к своей нации. Символы-интеграторы образуют символический универсум нации, т.е. комплекс конструкций, способных разворачиваться в области, недоступные для актуального восприятия и находящиеся за пределами непосредственного опыта человека. Значение символического универсума для формирования национальной идентичности заключается не только в его особой роли в конструировании образа нации, своеобразного коллективного Мы, но и в заложенной в нем способности воссоздавать, актуализировать в психике человека эмоциональное отношение к этому образу. Обосновывается неизбежность и противоречивый характер обновления символического универсума. Определяются условия, при которых символический универсум оказывается неспособным поддерживать единую систему представлений, образ коллективного Мы, следствием чего становится утрата им функции формирования национальной идентичности. Раскрывается особая роль государства в поддержании целостности национального символического универсума. Российский символический универсум характеризуется как проблематичный, переживающий период острых дискуссий по вопросам национальной самоопределения, но не утративший своей консолидирующей

функции. Показывается, что национальная идентичность большинства россиян формируется посредством интериоризации символов державности.

Ключевые слова: идеи и ценности; национальные символы; символическое пространство; национальная идентичность; символический универсум; символы-сигнификаторы; символы-интеграторы; символическая политика государства.

В мире, разделенном государственными границами, человек неизбежно находится в ситуации, требующей самоопределения по отношению к тем общностям, которые живут на территориях, маркируемых этими границами. Глубокие исторические корни таких территориально локализованных сообществ питают не только возникшие на этих территориях формы государственности, но и сменяющие друг друга поколения, возвращая людей, связывающих свою судьбу со своей страной, со своим народом. Связь с территориально-государственным образованием помогает человеку обрести точку опоры в сложном мире, формируя чувство общности с людьми, близкими ему по духу и стилю жизни, ориентирующимися на понятные ценности. Нормативное закрепление этой связи осуществляется сегодня институтом гражданства, устанавливающим формальные основания принадлежности индивида к определенному государству, их взаимные права и обязанности.

В структуре личности эта связь отражается в виде особой психологической установки, в которой знание о формальной принадлежности к государству как политически организованной территориальной общности субъективно переживается, становится эмоционально окрашенным, делающим индивида чувствительным к тому, что касается его государства, его страны. Эта установка в данной статье будет определяться как национальная идентичность.¹ Такой подход соответствует сложившейся в науке интерпретации социальной идентичности как способности личности осознавать и ощущать свою принадлежность к определенной общности, отождествлять себя с нею на основе “образа мы”, принимать ее ценности и нормативные стандарты [Ядов 1995: 159; Дробижина 2014: 120; Политическая идентичность... 2011: 8-10; Пушкарева 2012; Huddy, Khatib 2007: 65]².

157

Национальная идентичность как возникающая в системе личности аффективно-когнитивная структура способна оказывать сильное воздействие на мировосприятие индивида, на его отношение к представителям своей и чужих национальных групп, на мотивацию поведения в ситуациях, оцениваемых как несущие угрозу нации. Люди с сильно выраженной идентичностью болезненно воспринимают любые нападки на свою национальную общность, сопереживают ее лидерам, демонстрируют последовательность в отстаивании позиций страны на международной арене и готовность защищать ее интересы. Существует также зависимость между сильной национальной идентичностью и вовлеченностью человека в политическую жизнь общества [Huddy, Khatib 2007: 74].

В свою очередь нация-государство как социальный организм существует только потому, что в каждый конкретный исторический момент есть люди, ощущающие себя частичкой этого организма, чувствующие его проблемы,

¹ По своему содержанию данное понятие тесно соотносится с понятиями, используемыми другими авторами, такими как макрополитическая идентичность [Малинова 2010], гражданская (государственно-гражданская) идентичность [Дробижина, Рыжова 2015].

² В научной литературе представлены и другие подходы к определению данного понятия. Так, В.А. Тишков определяет национальную идентичность как “национальное самосознание” [Тишков 2010: 5], а С.В. Кортунов – как исторически сложившиеся представления нации о самой себе [Кортунов 2009: 8].

готовые поддержать его в трудную минуту. Возникающая психологическая связь является своеобразной энергетической системой, питающей нацию как государственно-территориальную общность. Усиление этой связи ведет к росту пассионарности нации; напротив, ослабление может спровоцировать разрушительные для нации процессы, ее распад на отдельные сегменты.

Функционирование и развитие государственно-территориальной общности обеспечивается социальными механизмами, связывающими индивидов со страной. Природа этих механизмов определяется специфическими свойствами нации как “воображаемого политического сообщества”, т.е. существующего только потому, что в умах каждого из его членов “живет образ их общности” [Андерсон 2001: 28, 29]. А. Шюц называл это свойство социального мира интерсубъективностью [Шюц 1994: 485].

Нация как “воображаемое политическое сообщество” интерсубъективна по сути и символична по форме. Иными словами, как целостность, как субъект, как социальный организм нация возникает, функционирует и развивается в результате формирования совместно разделяемого знания о ее исторической судьбе, о присущих ей ценностях, о ее достижениях и неудачах, об особенностях культуры и самовыражения, о нормах внутренних взаимодействий и способах реагирования на внешние угрозы. Это совместно разделяемое знание, определяющее интерсубъективную природу нации, существует в свою очередь в символической форме, обеспечивающей экстернализацию и объективацию этого знания.

Способность человека создавать символический мир и жить в нем Э. Кассирер считал его сущностной чертой. Он называл человека *animal symbolicum* [Кассирер 1988: 30], подчеркивая тем самым не только значение символических форм социального бытия, но и умение индивида адекватно ориентироваться в созданном предшествующими поколениями символическом пространстве, распознавать смыслы символических структур, понимать определяемые ими требования к выбору моделей поведения в конкретной ситуации. Если формирование нации как общности — это создание символических форм, в которых воплощаются совместно создаваемые репрезентации, образ коллективного *Мы*, то национальная идентичность складывается в процессе интериоризации этих символических форм, их отображения в психике людей. В дальнейшем будет рассмотрена взаимосвязь процессов конструирования национального символического пространства и формирования национальной идентичности.

В своей работе мы будем опираться на комплекс методологических принципов, сформулированных в рамках феноменологического подхода, социального конструктивизма, социальной психологии, когнитивной теории личности и символической политики. Синтез этих методологических принципов позволит, с одной стороны, раскрыть значимость представлений людей в формировании объективно функционирующих социальных феноменов, к которым относится нация как государственно организованная территориальная общность, определить виды возникающих на этой основе символических конструкций, обеспечивающих непрерывность процесса воспроизводства нации как “воображаемого сообщества”. А с другой — показать, как отражаются в структуре личности символические формы национального пространства, как они влияют на отношение индивида к своей национальной общности, как под воздействием их интериоризации происходит формирование особого эмоционального отношения к своей стране, т.е. национальной идентичности. Такой методологический подход позволит раскрыть новые грани процесса формирования национальной идентичности, перейти от распространенного в научной литературе представления об идентичности как

поиске идей, ценностей и образов, определяющих облик нации [Горшков 2013; Картунов 2009; Тишков 2010; Фадеева 2012], к пониманию важности психологических, эмоциональных скрепов, соединяющих индивида с нацией. О влиянии эмоций на выбор индивидом модели политического поведения неоднократно говорилось в научной литературе [Перспективы... 2012; Пушкарева 2014; Урнов 2008; Шестопал 2017], однако проблема механизмов, факторов и условий формирования позитивной эмоциональной связи индивида с нацией еще не получила должной интерпретации.

РОЛЬ СИМВОЛОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Символическое пространство нации как государственно-территориальной общности является сложным социальным образованием. Первичный контур этого пространства образуют символы-сигнификаторы, своеобразные культурные коды, с помощью которых обозначается нация как данность. К ним относятся вербальные структуры, принятые для номинации страны и живущего на ее территории народа, государственная атрибутика, а также неофициальные символы, возникшие в результате стереотипизации представлений о соответствующей национальной общности как собирательные образы, обобщающие складывающиеся в массовом сознании представления. При ответе на открытый вопрос: “Что для Вас лично олицетворяет Россию, является ее символом?” наши сограждане называют не только государственную символику, но и слова и образы, которые социологи свели к следующим обобщениям: родина, патриотизм (10%), медведь (6%), народ, люди (5%), единство, сплоченность (5%), сила, мощь (4%), природа, леса, реки, просторы (3%), история, культура, религия (2%) и др.³ Многообразие символов свидетельствует не только о разных гранях восприятия гражданами своей страны, но о сложносоставном характере первичного контура национального символического пространства.

Благодаря этим символам фиксируется сам факт присутствия нации в мировом пространстве, создается удобный инструмент для ее выделения среди других аналогичных государственно-территориальных образований. Способность человека различать социальные объекты формируется только в процессе овладения соответствующими символическими формами, поэтому свойства объективности символы-сигнификаторы обретают в результате формирования у многих людей навыков их “узнавания” и адекватной интерпретации. Легко распознаваемые символы первичного контура напоминают о самом факте существования нации, актуализируют в массовом сознании когнитивные структуры, содержащие информацию о ее свойствах, не позволяют притупиться чувству национальной принадлежности в поглощающей индивидов суе повседневности. Например, официальная государственная символика известна абсолютному большинству россиян. В ходе социологического опроса 47% респондентов заявили, что знают слова и мелодию российского гимна, еще 41% знают только мелодию. Верно ответили на вопрос, что изображено на гербе страны, 84% респондентов. Столько же знают, как выглядит государственный флаг⁴.

Роль символов не ограничивается номинативной функцией. Как отмечал А.Ф. Лосев, в отличие от простых знаков, символ “всегда есть обобщение”

³ Символика России. Какие символы олицетворяют страну, по мнению россиян? – ФОМ. 07.06.2016. Доступ: <http://fom.ru/TSennosti/12698> (проверено 21.07.2017).

⁴ Там же.

[Лосев 1995: 44]. Он не просто устанавливает связь между обозначаемым и обозначающим, а способен развертываться, обладать, как писал К. Юнг, “специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу”, вести “в области, лежащие за пределами здравого рассудка” [Юнг 1991: 12]. Обычно развертывание символа представляется как интерпретация, объяснение его значения, принятого в культуре конкретного общества [Сант-Мадзини 2007; Соболева 2003]. Такой подход важен для прояснения причины появления того или иного символа, толкования его явных и скрытых смыслов. Однако для выявления влияния символов на формирование национальной идентичности необходимо обратиться к особенностям их индивидуального восприятия.

Для отдельного человека развертывание символа представляет собой когнитивный процесс, не только актуализирующий сложившиеся у него представления о значении данного символа, но и способный вызывать определенные эмоциональные состояния. Иными словами, при восприятии символа человек не только понимает его значение и может в рамках ранее усвоенного знания объяснить его смысл, но способен эмоционально переживать связанную с символом информацию. Исполнение государственного гимна может вызывать у него воодушевление, надругательство над национальным флагом — возмущение, слово *Россия* — чувство гордости. Если знаки воспринимаются нейтрально, как информация, необходимая для принятия решения, то символы со своим “добавочным значением” способны активировать глубинные пласты психики. Можно сказать, что символы человек не только различает, но и чувствует.

Эмоциональное расширение символа-сигнификатора является индивидуальным и колеблется в диапазоне амбивалентных ощущений. У одних национальная символика вызывает позитивные эмоции, у других может провоцировать возникновение неприятных ощущений. По данным Левада-Центра, около 5% россиян стыдятся своей страны, в то время как 70% гордятся ею (22% не испытывают ни чувства гордости, ни чувства стыда)⁵. Позитивное эмоциональное подкрепление делает человека чувствительным как к самим символам, так и к обозначаемому объекту. Упоминание названия страны, визуализация государственной символики обостряют его внимание, создают ощущение значимости соответствующей информации, вызывают сопереживание своей нации в конкретной ситуации. Символы-сигнификаторы с позитивным эмоциональным расширением становятся для индивида активаторами его сочувствия и деятельности в поддержку нации.

Негативное эмоциональное подкрепление, напротив, превращает национальные символы в катализаторы неприятных ощущений. Так, сформировавшееся у человека чувство стыда за свою страну неизбежно будет с большей или меньшей степенью интенсивности актуализироваться при восприятии соответствующих кодов. Обычным способом снижения психологического напряжения, возникающего под воздействием негативных эмоций, является рационализация, т.е. поиск приемлемого для самой личности оправдания негативного отношения к своей стране, например, в виде поиска сил, ответственных за состояние страны, вызывающего стыд у ее граждан. Когда рационализация не помогает, человек начинает тяготиться своей национальной принадлежностью. Если в силу непреодолимых обстоятельств он не может покинуть страну и сменить гражданство, то у него формируется нега-

⁵ Национальная гордость. — *Левада-Центр*. 30.06.2016. Доступ: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/> (проверено 21.07.2017).

тивная идентичность, когда знание о своей национальной принадлежности подкрепляется отрицательными эмоциями, которые актуализируются всякий раз, когда индивид сталкивается с соответствующими символами⁶.

Негативная идентичность разъедает нацию изнутри, она генерирует психологическую энергию, поглощающую чувства сопереживания отдельного индивида судьбе своей общности. Отдельные носители негативной идентичности способны переходить от молчаливого переживания негативных эмоций к выражению своих чувств и выплескивать в информационное пространство уничижительные интерпретации национальных символов, сеять сомнения в успехах страны, плумиться над ее достижениями, злорадствовать по поводу неудач и искать факты, подкрепляющие их отрицательные оценки. Какие механизмы возникают в символическом пространстве для сдерживания пагубного для нации развития негативной идентичности?

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ УНИВЕРСУМ

Формированию позитивной эмоциональной связи гражданина со своей нацией способствуют символы-интеграторы, образующие вторичный контур национального символического пространства. Здесь генерируются смыслы, являющиеся источником легитимации нации. К ним относятся представления об историческом пути нации, об особенностях ее культуры, о тех преимуществах, которые дает каждому индивиду его связь со своей социокультурной и исторической общностью. Такие представления облакаются в символическую форму, что позволяет транслировать их от поколения к поколению, обеспечивая преемственность развития национального самосознания, интеграцию граждан в едином культурном пространстве. Символы-интеграторы придают представлениям о своей нации смысловую завершенность, помогают прочувствовать ее судьбу, понять ее интересы и при необходимости оправдать ее притязания.

Символы-интеграторы имеют вид мифологем и идеологем, несущих в себе интерпретации свойств и качеств нации, раскрывающих содержание коллективного *Мы-образа*. Их важной особенностью является то, что они не только формируют представления, но и содержат в себе определенный эмоциональный заряд, поэтому усвоение индивидом символов-интеграторов способствует развитию у него обостренного восприятия всего, что касается его страны, его нации. Среди символов-интеграторов можно выделить мифы-события, мифы-легенды, героические мифы, мифы-угрозы, а также различные идеологемы, в которых в концентрированном виде представлены попытки сформулировать национальные ценностные системы или национальные идеи.

Мифы-события представляют собой особые виды интерпретации исторических событий, рассказывающие о важных вехах в развитии нации, об ее успехах, способности консолидироваться перед лицом угроз и преодолевать невзгоды. Превращение исторического факта в символ происходит путем мифологизации происшедшего, т.е. путем акцентуации выгодных для нации аспектов события и создания его упрощенной картины, когда сложная цепь действий и факторов представляется в понятной простому человеку логике причинно-следственных связей. Мифы-события призваны формировать чувство гордости за свою

⁶ Отметим, что в научной литературе представлена и иная интерпретация понятия “негативная идентичность”, когда последняя определяется как идентичность, формирующаяся в результате акцентуации образа врага [Гудков 2004].

нацию, народ, который смог в сложных условиях проявить свои лучшие качества, добиться успеха, выстоять в борьбе с врагами, укрепить свои позиции.

Мифы-легенды, как правило, не связаны с историческими событиями и представляют собой дискурсивные конструкции, в которых объясняются присущие нации свойства и качества, их истоки, а также формируются соответствующие оценочные суждения. В сказках и сказаниях, в фольклоре всегда есть место повествованиям, показывающим силу духа народа и его смекалку в борьбе с врагами, раскрывающим особенности национального характера и ценностные приоритеты.

Героические мифы — это укорененные в массовом сознании представления об особой роли либо вымышленных персонажей, пришедших из мифов-легенд, либо реальных политических фигур, обретших харизму и ставших на определенном историческом этапе объектом народного поклонения. Персонификация сложных социальных и политических процессов, их сведение к действиям героя, способного решить любую сложную проблему, является одним из способов создания доступной для восприятия обычным человеком картины мира. Особенностью таких символических фигур является их способность превращаться в своеобразные аттракторы, формирующие поле эмоционального притяжения людей, сопереживающих своим героям.

Важнейшая функция перечисленных мифов — создание позитивного эмоционального фона восприятия коллективного *Мы*. Человек может забыть содержание конкретных мифов, но его память способна хранить следы эмоциональных состояний, возникших у него при знакомстве с национальными героями, национальными победами и достижениями, обеспечивая формирование устойчивого позитивного эмоционального подкрепления национальных символических форм, веры в призвание своей нации, ее особое назначение. Возникающая позитивная эмоциональная связь индивида с нацией в свою очередь влияет на его восприятие окружающего мира, повышает его личностную самооценку, вместе с нацией он ощущает себя сильнее, значимее, влиятельнее.

Социальным инстинктом человека, выработанным еще во времена общинно-родового строя, является объединение с себе подобными перед лицом опасности. С ростом тревоги у индивида на уровне подсознания актуализируется потребность в аффилиации, он стремится присоединиться к тем, кто в наибольшей степени похож на него, кто лучше сможет понять его эмоциональное состояние, кто демонстрирует понятные ему модели поведения, т.е. к тем, кто принадлежит к его группе. В национальном символическом пространстве угрозы обретают свое выражение в виде мифологических конструкций о врагах, несущих беды стране, народу. Такие конструкции способны создавать настолько мощные эмоциональные скрепы, что некоторые авторы склоняются к мысли об их основополагающей роли в формировании национальной идентичности. Изучая американское общество, С. Хантингтон писал: "...до тех пор, пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма высокой. Если же чувство опасности притупляется, прочие идентичности вновь берут верх над идентичностью национальной" [Хантингтон 2004: 16-17].

Итак, мифологемы как символические конструкции не только развертываются в определенные смысловые области, постигаемые посредством интерпретации, но и способны наполнять внутренний мир человека чувствами и ощущениями, формируя эмоциональный фон восприятия своей идентично-

сти, не поддающийся рациональной рефлексии. Мифологемы, как правило, обращены в прошлое, они расставляют акценты в исторической памяти нации, делая выпуклым и легко усваиваемым широкими слоями то, что может способствовать укреплению национальной идентичности. Идеологемы, дополняя их, предлагают нации ценностные ориентиры, зовут в будущее, придают смысл совместным усилиям по обустройству пространства национальных отношений. Они помогают найти ответы на вопросы, на каких политических принципах должна основываться жизнь нации, во имя каких целей следует осуществлять мобилизацию национальных ресурсов, решению каких задач необходимо отдавать приоритет, вокруг каких ценностей предпочтительно объединять усилия.

Ценностные суждения обретают символическую форму по мере формирования веры в их непреложность и справедливость. Конечно, освоение идеологических концептов требует от индивида большей рациональности, затраты значительных когнитивных усилий на знакомство с интерпретациями абстрактных понятий, умения сопоставлять выбираемые ценности с альтернативными взглядами на проблемы политического развития общества. Однако вера как субъективно переживаемое чувство уверенности в своей правоте *практически* превращает идеологемы в значимые для индивида символы, влияющие как на способы его ориентации в пространстве национальных отношений, так и на характер формирующейся национальной идентичности. Человеку свойственно считать своими тех, кто разделяет усвоенные им ценности, и видеть в тех, кто придерживается иных взглядов, по крайней мере, оппонента.

Мифологемы и идеологемы образуют своеобразный символический универсум нации, который в отличие от первичного символического контура представляет собой комплекс конструкций, способных разворачиваться в области, недоступные для актуального восприятия и находящиеся за пределами непосредственного опыта человека [Бергер, Лукман 1995: 157-159]. Назначение этих конструкций – не столько зафиксировать факт существования нации, обозначить ее присутствие в современном мире, сколько придать ее бытию некий высший смысл, воплощенный в мифологических образах особого пути развития и раскрывающийся в миссии нации как концентрированном выражении ее ценностных установок. В научной литературе особая роль символического универсума в конструировании нации отражается в его фактическом отождествлении с национальной идентичностью. Как пишет М.К. Горшков, “идентичность определяется как заданная национальным образом мира и национальной историей основная идея, которой живет социум в данную историческую эпоху. Идея, приемлемая для его большинства. Она же несет в себе ответ на вопрос о сущности своего народа, нации, ее месте, роли и задачах в мировой истории и идеальных формах ее существования” [Горшков 2013: 14].

Значение символического универсума для формирования национальной идентичности заключается не только в его особой роли в конструировании образа нации, своеобразного коллективного *Мы*, но и в заложенной в нем способности воссоздавать, актуализировать в психике человека эмоциональное отношение к этому образу. Интегральным чувством, вбирающим сложный комплекс эмоциональных состояний, формируемых символическим универсумом, является патриотизм, любовь к Родине. Чувственная природа патриотизма создает определенные трудности в изучении данного феномена. Попытки найти некоторые рациональные основания патриотизма [Пипия 2016: 49] неизбежно будут носить

ограниченный характер, так же как желание представить патриотизм как “рационально выработанную идеологическую позицию” [Аникин 2016: 207].

Чем глубже залегает эмоционально переживаемое сопряжение с нацией в психике индивида, тем сильнее он ощущает привязанность к своей стране, тем труднее находит рациональные объяснения возникающим чувствам. С карты мира в силу определенных обстоятельств может исчезнуть страна, но хранящиеся в памяти людей мифологемы и идеологемы из сконструированного ранее группового символического универсума способны оказывать воздействие на людей длительное время, формируя у них ощущение тождественности с формально не существующей общностью. В 2007 г. 15% россиян отметили, что они часто испытывают чувство общности с советским народом, а 42% испытывают это чувство иногда [Российская идентичность... 2007: 28]. Сожаление о распаде Советского Союза и в 2016 г. продолжали высказывать 56% россиян, веря, что этого распада можно было избежать (51%)⁷.

МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО УНИВЕРСУМА

Символическое пространство может выполнять свою консолидирующую функцию и способствовать формированию национальной идентичности только при условии сохранения системной целостности, проявляющейся в наличии консенсуса в обществе относительно интерпретации основных национальных символов, подкрепленного верой людей в их непреложность. По поводу символов-сигнификаторов такой консенсус достигается легко по мере освоения человеком в процессе социализации смыслового содержания созданных в культуре общества вербальных и невербальных знаков и по мере формирования у него уверенности, что другие люди похожим образом интерпретируют их содержание. Что касается символов-интеграторов, то они способны создавать проблемное поле для индивида в силу возникающих время от времени в обществе острых дискуссий относительно основных идей, ценностей, вокруг которых должна консолидироваться нация.

Такие дискуссии генерируются процессами, происходящими в нации как сложном социальном и политическом образовании. Накапливающиеся изменения в социальной структуре общества ведут к появлению групп, стремящихся не только к артикуляции своих интересов, но и трансляции на национальный уровень ценностей, отвечающих их представлениям о справедливом социальном порядке. Ценностный дискурс в обществе обретает острый полемический характер, когда эти представления начинают затрагивать политические устои нации, которая развивается не только на основе общности территории, языка, культуры, исторического происхождения, но и в рамках определенной системы государственной власти. Таким образом, конструкции символического универсума поддерживают не только образ коллективного *Мы*, но и сложившуюся систему государственной власти, в глазах многих олицетворяющую саму нацию. Не случайно дискуссии о содержании национального символического универсума инициируются, прежде всего, силами, критически оценивающими сложившуюся систему государственной власти, недовольными политикой правительства, предлагающими новые политические ценностные ориентиры. Для них оспаривание конструктов сим-

⁷ Распад СССР: причины и ностальгия. – *Левада-Центр*. 05.12.2016. Доступ: <http://www.levada.ru/2016/12/05/raspad-sssr-prichiny-i-nostalgiya/> (проверено 21.07.2017).

волического универсума становится продолжением борьбы с идеологемами, поддерживающими правящий режим.

Как обеспечивается поддержание целостности национального символического универсума в условиях социальных и политических трансформаций? Насколько критичными для национальной идентичности могут стать дискуссии о ценностных приоритетах и принципах политического развития общества?

У каждого народа есть своего рода “хранители” символического универсума. К ним относятся, во-первых, лидеры, обладающие моральным правом выступать в качестве толкователей основных принципов национального символического универсума, те, к чьему мнению в обществе прислушиваются, чьи суждения принимают на веру. Как правило, это люди с высоким интеллектуальным потенциалом, творческими способностями, обширными знаниями. Именно они создают мифологемы, обосновывают ценностные принципы, интерпретируют интересы нации и декларируют ее целевые установки. Во-вторых, в их число входят представители так наз. *ядра нации*. Это — люди с сильной идентичностью, настолько глубоко усвоившие основные принципы символического универсума, что любое покушение на эти принципы в виде критики, оспаривания или даже выражения сомнения они воспринимают как необоснованные нападки, причем не только в адрес нации, но и в отношении себя лично. Если первые являются “идеологами” нации, конструкторами ее символического универсума, то вторые — ярыми защитниками ее символических устоев.

Функционирование символического универсума обеспечивается благодаря усилиям, прилагаемым обоими видами “хранителей”. Интеллектуальная элита выполняет функцию его обновления, а “ядро нации” предохраняет его от чрезмерных колебаний, способных спровоцировать разрушительные для символической системы общества процессы. Изменения, инициируемые интеллектуалами, заключаются в создании ими идеологем, обосновывающих значимость новых ценностных ориентиров, а также мифологем, расставляющих новые акценты в исторической памяти нации и подвергающих мифологической героизации те политические фигуры, которые в наибольшей степени подходят для создания целостной картины обновленного символического универсума. Открытость для новых идей и ценностных конструкций является залогом адаптивности национального символического универсума к социальным, экономическим и политическим изменениям в обществе.

Ядро нации, последовательно выполняющее роль хранителей старого символического универсума, неизбежно будет выступать в роли оппонента любых обновлений в символической картине общества. Сильная идентичность, возвращенная старым символическим универсумом и наложенная нередко на ригидность мышления, формирует у многих людей мощный перцептивный экран, препятствующий усвоению новых мифологем и идеологем. Консерватизм *ядра нации* обеспечивает преемственность развития символического универсума, предохраняет его от фрагментации, неизбежной в случае неконтролируемого потока символических инноваций.

Противоречие между носителями старого символического универсума и сторонниками его обновления является условием его существования и движущей силой его развития. Это противоречие выливается в острые дискуссии по вопросам политического будущего нации, оценки ее исторического прошлого, проявляется во взаимных обвинениях, с одной стороны, в ренегатстве, отступничестве, предательстве интересов, а с другой — в косности, тоталитарности

мышления, неспособности встраиваться в мировые тренды и т.п. При резком обострении данного противоречия может произойти распад символического универсума на сегменты, подпитываемые конкурирующими идеологемами и мифологемами. В этом случае он перестает выполнять функцию формирования национальной идентичности, поскольку оказывается неспособным поддерживать единую систему представлений, образ коллективного *Мы*.

Сегментация национального символического универсума ослабляет в глазах членов общества значимость недавно объединявших их принципов и ценностей. То, что раньше казалось непреложной истиной, начинает превращаться в картинки ложного сознания, а ценностные ориентиры, ранее понятные и не подвергавшиеся сомнению, перестают быть притягательными, и даже смысловые интерпретации символов-сигнификаторов лишаются былого пафоса. С разрушением веры в значимость национальных символов происходит ослабление позитивной эмоциональной связи индивида со своей нацией. Когда то, во что человек верил, перестает быть для него существенным, наступает разочарование, вытесняющее чувства, прежде подпитываемые верой в национальные мифологемы. Как только эти процессы обретают массовый характер, национальное символическое пространство начинает утрачивать свойства объективности и становится неспособным в полной мере выполнять функцию формирования сильной национальной идентичности, что в конечном итоге ведет к ее кризису, а при определенных условиях и к разрушению самой территориально-государственной общности.

Особая роль в поддержании целостности национального символического универсума принадлежит государству. Оно обладает возможностями поддерживать тех мыслителей, которые вносят лепту в конструирование общенациональных мифологем и идеологем, оно способно создавать условия, обеспечивающие такую направленность процессов политической социализации, которая задает необходимый вектор формирования национального самосознания и национальной идентичности, оно обладает ресурсами, позволяющими обеспечивать необходимый баланс между тенденцией обновления и тенденцией преемственности в развитии символического универсума. Проблематичность реализации данной роли состоит в том, что символическая политика государства осуществляется конкретными людьми, получившими в определенное время и в силу сложившихся обстоятельств властные полномочия и право на принятие государственных решений. В результате государство неизбежно становится проводником политики правящих кругов, использующих потенциал государственной машины для внедрения в массовое сознание тех символических конструктов, которые отвечают их интересам и ценностям, в том числе с целью “легитимации власти в конкурентной борьбе за влияние в новых политических пространствах” [Семенов 2012: 67].

КРИЗИСНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В истории нашей страны острая дискуссия вокруг вопросов “кто мы, откуда и куда идем?” вспыхивала неоднократно. Сегодня в ее рамках обсуждаются как естественные процессы обновления российского символического универсума, необходимость его адаптации к новым реалиям, так и попытки разных политических сил предложить свое видение его основных конструктивных элементов. В символическом дискурсе сталкиваются представления

о том, какие ценности должны стать ориентиром развития для нации, какие идеологемы должны обеспечивать целостность нации, какие мифологемы должны подпитывать историческую память нации, наконец, какой должна быть национальная идея, сплачивающая российских граждан [Малинова 2010: 93-103]. Л.А. Фадеева эту острую полемику сочла возможным обозначить как “борьбу за идентичность”, что, по ее мнению, является свидетельством “устойчивости кризисного состояния российской идентичности” [Фадеева 2012: 190, 191].

Рамки статьи не позволяют представить весь спектр суждений, в которых интеллектуальным сообществом формулируются представления о предпочтительной конфигурации российского символического универсума. Отметим только, что ряд исследователей указывают на противоречивость и даже разорванность российского пространства национальной идентичности [Дубин 2009; Попова 2009], высказываются суждения об утрате “Россией своего исторически сложившегося представления о самой себе” [Кортунов 2009: 8], акцентируется появление “эклектической модели макрополитической идентичности, сочетающей элементы разных дискурсов” [Малинова 2010: 103].

Насколько этот “разорванный” и “эклектичный” символический универсум способен выполнять свою основную функцию — формирование национальной идентичности? Поиск ответа на этот вопрос должен, на наш взгляд, опираться на понимание того, что в условиях идейного противостояния определяющим для будущей судьбы национального символического универсума становится то, к какой информации потянется большинство людей, с чьими доводами согласится, в какие мифологемы поверит, чьи ценностные принципы примет. Поэтому при всей значимости дискурса о судьбе России, ее ценностных приоритетах и консолидирующей нацию идее не менее важным является исследование массового сознания, насколько инициируемая интеллектуальными кругами дискуссия об облике символического универсума затронула его глубинные пласты, поскольку только в процессе интериоризации символические конструкции обретают свойства объективности.

Данные социологических опросов дают неоднозначную картину. С одной стороны, в обществе отсутствует консенсус по вопросу о предпочтительной форме политической организации нации. По данным Левада-Центра, на вопрос: “Какая политическая система кажется Вам лучшей?”, 37% россиян в 2016 г. выбрали ответ “советская, которая была у нас до 90-х годов”, 23% — высказались за “нынешнюю систему” и 13% — за “демократию по образцу западных стран”⁸. Такие данные являются аргументом в поддержку идеи разорванности российского символического универсума, формировании в нем, по крайней мере, этих трех альтернативных сегментов со своими ценностными ориентациями и поддерживающими их мифологемами.

Но с другой стороны, социологические опросы говорят о существовании в российском символическом пространстве идеологем и мифов, воспринимаемых большинством граждан. Так, россиян объединяют идея о том, что “государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности” (ее поддержали полностью или частично в 2015 г. 88% граждан) и убежденность, что “Россия должна быть державой, объединяю-

⁸ Предпочтительные модели экономической и политической систем. — *Левада-Центр*. 17.02.2016. Доступ: <http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem/> (проверено 21.07.2017).

шей разные народы” (62%) [Аникин 2016: 208]. Растет число тех, кто склонен считать Россию великой державой (с 31% в 1999 г. до 67% в 2016 г.).⁹ И только 10% россиян выразили сомнение в том, что через пятнадцать-двадцать лет их страна станет великой державой¹⁰.

Таким образом, несмотря на различия в политических предпочтениях, россияне находят в символическом пространстве конструкты, которые встречают понимание большинства и большинством принимаются на веру. По мнению В.А. Аникина, такими конструктами являются идеи державности: “Носителем державного понимания общества и державной версии патриотизма является подавляющая часть российского населения, а не какие-то конкретные социальные группы; за ощущением ‘державы’ у россиян стоит чувство общности как у представителей единого целого, существование которого основано на единстве взглядов на жизнь, норм и ценностей” [там же: 225].

В массовом сознании стали ослабевать мифологемы, воспринимаемые как унижение страны. Так, в 2016 г. по сравнению с 1998 г. с 59 до 36% снизилась доля тех, кто верил, что “бедность большинства населения более всего сейчас унижает нашу страну”, с 28 до 16% — тех, кто считал, что “превращение России преимущественно в поставщика сырья для развитых стран более всего сейчас унижает нашу страну”, с 19 до 7% — тех, кто был убежден, что “уменьшение влияния в мире более всего сейчас унижает нашу страну”. Доля несогласных с тем, что “наша страна сегодня унижена”, возросла за этот период с 11% до 42%. И если в 1997 г. 25% россиян были убеждены в том, что “Россия сегодня не вызывает уважения в мире”, то в 2016 г. таких осталось 6%¹¹.

168 Более того, “борьба за идентичность”, проходящая в острых спорах о будущем России, о принципах ее политического устройства, о содержании национальной идеи, не несет в себе, по нашим оценкам, признаков серьезного кризиса национальной идентичности. По данным Левада-Центра, для абсолютного большинства россиян “лучше быть гражданином России, чем любой другой страны мира” (85% в 2015 г.). При этом наши сограждане в основной массе готовы поддерживать свою страну, даже если не уверены в ее правоте¹². А в ситуации, смоделированной социологами ВЦИОМа: “Представим, что за границей умер Ваш дальний богатый родственник и оставил Вам дом и небольшое состояние. В такой ситуации Вы хотели бы уехать за границу на постоянное жительство или нет?” 70% россиян выбрали ответ “скорее нет”¹³.

Кризисное состояние российского символического универсума, проявляющееся в его неоднородности, противоречивости конструирующего его дискурса и полярности представленных в нем идеологем не является, тем не

⁹ Национальная гордость. — *Левада-Центр*. 30.06.2016. Доступ: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/> (проверено 21.07.2017).

¹⁰ Пресс-выпуск № 3327. — *ВЦИОМ*. 15.03.2017. Доступ: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116111> (проверено 21.07.2017).

¹¹ Образ России на международной арене. — *Левада-Центр*. 14.11.2016. Доступ: <http://www.levada.ru/2016/11/14/obraz-rossii-na-mezhdunarodnoj-arene/> (проверено 21.07.2017).

¹² Гордость, патриотизм и ответственность. — *Левада-Центр*. 07.12.2015. Доступ: <http://www.levada.ru/2015/12/07/gordost-patriotizm-i-otvetstvennost/> (проверено 23.07.2017). Несогласие с мнением, что люди должны поддерживать свою страну, даже если она неправа, выразили 19% россиян, из них только 5% выбрали вариант ответа “полностью согласен”.

¹³ Пресс-выпуск № 3201. — *ВЦИОМ*. Доступ: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115866> (проверено 23.07.2017).

менее, критическим для национальной идентичности, связывающей большинство россиян со своей страной на основе чувства принадлежности к ней и отождествления себя с нею. В научной литературе представлена точка зрения, что устойчивость российской идентичности придает то, что она формируется на самоопределении “от противного”, на основе противопоставления образу врага [Гудков 2004]. События, связанные с украинским кризисом, казалось бы, добавили аргументов авторам такой точки зрения. Действительно в сентябре 2014 г. 84% наших сограждан считали, что у России есть враги,¹⁴ 57% россиян находят основания в той или иной мере опасаться США и стран, входящих в блок НАТО,¹⁵ а во введенных Западом санкциях склонны были видеть намерение “ослабить и унижить Россию” (69% респондентов).¹⁶ Как пишет Л. Гудков, “антиамериканизм (или антизападничество) является одним из важнейших компонентов национальной идентичности российского общества” [Гудков 2015: 43]. Однако, признавая важную роль мифов-угроз в формировании национальной идентичности, тем не менее хотелось бы отметить, что связь индивида с нацией не может быть прочной, если она подпитывается только страхами и опасениями. Образ нации должен обладать притягательными чертами, вызывать позитивные чувства. Только в этом случае гражданин будет искать защиту от опасностей в объединении со своей страной.

Итак, если первичный контур российского символического пространства обрел для россиян четкие очертания, позволяющие им однозначно определять свою национальную принадлежность, то символический универсум по-прежнему является полем “борьбы за идентичность”. Вместе с тем и в этом поле есть представления, близкие по духу широким слоям населения. К ним относятся, прежде всего, идеологемы и мифологемы, формирующие представления людей об особом пути развитии России, о державных принципах ее государственности, об угрозах ее существованию в современном мире. Именно эти символические конструкты подпитывают чувство патриотизма, на основе которого укрепляется национальная идентичность. Устойчивость таких конструктов определяется как их глубокой укорененностью в массовом сознании, спецификой исторической памяти народа, так и тем заметным местом, которое они занимают в символической политике современного российского государства.

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. 288 с.

Аникин В.А. 2016. Кризис и национальное самосознание россиян. — *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 5. С. 203-232. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.12>

Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум. 323 с.

Горшков М.К. 2013. Модернизационный потенциал идентичности (Вместо предисловия). — *Россия реформирующаяся*. Вып. 12: ежегодник. Отв. ред. М.К. Горшков.

¹⁴ Враги. — *Левада-Центр*. 16.01.2017. Доступ: <http://www.levada.ru/2017/01/16/vragi/> (проверено 23.07.2017). Впрочем, к декабрю 2016 г. эта цифра снизилась до 68%.

¹⁵ Россия и Запад. — *Левада-Центр*. 29.11.2016. Доступ: <http://www.levada.ru/2016/11/29/rossiya-i-zapad-2/> (проверено 23.07.2017).

¹⁶ Реакция Запада на политику России: критика, враждебность, санкции. — *Левада-Центр*. 02.11.2015. Доступ: <http://www.levada.ru/2015/11/02/reaktsiya-zapada-na-politiku-rossii-kritika-vrazhdebnost-sanktsii/> (проверено 23.07.2017).

М.: Новый хронограф. С. 3-20. Доступ: http://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2013/Gorshkov_Ejagod_2014.pdf (проверено 10.08.2017).

Гудков Л. 2004. *Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов*. М.: Новое литературное обозрение, "ВЦИОМ-А". 816 с.

Гудков Л. 2015. Структура и функции российского антиамериканизма: фаза мобилизации 2012-2015 года. — *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия*. № 3-4. С. 15-44.

Дробижева Л.М. 2014. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации. — *Общественные науки и современность*. № 1. С. 119-129.

Дробижева Л.М., Рыжова С.В. 2015. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 9-24. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.03>

Дубин Б. 2009. Векторы и уровни коллективной идентификации в сегодняшней России. — *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия*. № 2. С. 55-65. Доступ: http://www.levada.ru/sites/default/files/vom_2009.2_100.pdf (проверено: 10.08.2017).

Кассирер Э. 1988. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. — *Проблема человека в западной философии*. Ред. Ю.Н. Попов. М.: Прогресс. С. 3-30. Доступ: <http://anthropology.ru/ru/text/kassirer-e/opyt-o-cheloveke-vvedenie-v-filosofiyu-chelovecheskoy-kultury> (проверено: 10.08.2017).

Кортунов С.В. 2009. *Национальная идентичность: Постижение смысла*. М.: Аспект Пресс. 589 с. Доступ: <http://www.ino-center.ru/doc/national-identity.pdf> (проверено: 10.08.2017).

Лосев А.Ф. 1995. *Проблема символа и реалистическое искусство*. М.: Искусство. 320 с. Доступ: http://www.odinblago.ru/filosofiya/losev/losev_problema_sim/ (проверено: 10.08.2017).

Малинова О.Ю. 2010. Символическая политика и конструирование макро-политической идентичности в постсоветской России. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 90-105. Доступ: <http://www.politstudies.ru/files/File/2010/2/8.pdf> (проверено: 10.08.2017).

Перспективы развития политической психологии: новые направления. Под ред. Е.Б. Шестопаля. 2012. М.: Издательство Московского университета. 496 с.

Пипия К.Д. 2016. Идентификационные портреты россиян (на данных The ISSP и Левада-Центра). — *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 3. С. 38-50. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.03>

Политическая идентичность и политика идентичности: очерки. Под ред. О.И. Зазнаева. 2011. Казань: Отечество. 230 с.

Попова О.В. 2009. Особенности политической идентичности в России и странах Европы. — *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 143-157. Доступ: <http://www.politstudies.ru/files/File/2009/1/11.pdf> (проверено: 10.08.2017).

Пушкарева Г.В. 2012. Механизмы формирования политических идентичностей в политическом пространстве современного общества. — *Политическая идентичность и политика идентичности в 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН. С. 99-113.

Пушкарева Г.В. 2014. *Ното politicus: человек политический*. М.: Аргамак-медиа. 336 с.
Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. 2007. М.: Институт социологии РАН. 140 с. Доступ: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (проверено 10.08.2017).

Санги-Мадзини Дж. 2007. *Геральдика. История, терминология, символы и значения гербов и эмблем*. М.: АСТ, Астрель. 594 с.

Семенов И.С. 2012. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: на пути в глобальный мир. — *Политическая идентичность и политика*

идентичности в 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН. С. 41-71.

Соболева, Н.А. 2003. *Российская государственная символика. История и современность*. М.: Владос. 208 с.

Тишков В.А. 2010. *Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа*. СПб.: СПбГУП. 36 с.

Урнов М.Ю. 2008. *Эмоции в политическом поведении*. М.: Аспект Пресс. 240 с.

Фадеева Л.А. 2012. *Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность*. М.: Новый хронограф. 320 с.

Хантингтон С. 2004. *Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ; Транзиткнига. 635 с.

Шестопап Е. Б. 2017. Психологическое состояние российского общества между парламентскими и президентскими выборами: сравнительный анализ. – *Сравнительная политика*. Т. 8. № 2. С. 119-129. DOI: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-119-129>

Шюц А. 1994. Формирование понятия и теории в общественных науках. – *Американская социологическая мысль: Тексты*. Под ред. В.И. Добренкова. М.: Издательство МГУ. С. 481-496.

Юнг К.Г. 1991. *Архетип и символ*. М.: Ренессанс. 343 с.

Ядов В.А. 1995. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. – *Мир России*. № 3-4. С. 158-181. Доступ: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Mir_Rossii_1995_no3-4_Yadov.pdf (проверено: 10.08.2017).

Huddy L., Khatib N. 2007. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. – *American Journal of Political Science*. Vol. 51. No. 1. P. 63-77. Доступ: <http://www.jstor.org/stable/4122906> (проверено: 10.08.2017).

DOI: [10.17976/jpps/2017.05.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11)

IDEAS AND VALUES AS A METHOD OF CONSTRUCTING SYMBOLIC SPACE OF THE NATIONAL IDENTITY

G.V. Pushkaryova¹

¹Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

PUSHKARYOVA Galina Viktorovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Political Analysis Department, Lomonosov Moscow State University. Email: pushkarjeva@spa.msu.ru

Pushkaryova G.V. Ideas and Values as a Method of Constructing Symbolic Space of the National Identity. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 5. P. 156-173. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>

Acknowledgments. This article was prepared with financial support provided by the Russian Foundation for Basic Research (research grant No. 17-03-00590).

Received: 24.04.2017. Accepted: 26.06.2017

Abstract. The nation is seen as an “imaginary political community” [Anderson 2001] whose construction is carried out using symbols that form the national symbolic space. National identity is defined as a special kind of psychological connection of a person with a political nation that makes an individual sensitive to what concerns his state, his country. The main hypothesis of the study: if formation of a nation is the creation of symbolic forms in which the jointly created representations are embodied, then the national identity is formed in the process of interiorization of these symbolic forms, their reflection in the psyche of people. The paper distinguishes between two types of symbols: symbols-signifiers that perform a nominative function, and symbols-integrators (mythologemes and ideologemes) that carry semantic interpretations of the image of the nation. It is shown that symbols-signifiers, unlike simple signs, can cause certain emotional states in which the individual’s sensate attitude to his nation is displayed. Symbols-integrators form a symbolic universe of the

nation, i.e. a complex of structures that can be deployed in areas that are inaccessible to actual perception and that are beyond the immediate human experience. The significance of the symbolic universe for the formation of national identity is not only in its special role in constructing the image of a nation, a kind of collective We, but also in its inherent ability to recreate, actualize in the human psyche an emotional attitude to this image. The inevitability and contradictory nature of the renewal of the symbolic universe is substantiated. The conditions under which the symbolic universe is unable to maintain a unified system of representations, the image of the collective We are determined. It is shown that, as a result of the emergence of such conditions, the symbolic universe loses the function of forming a national identity. The special role of the state in maintaining the integrity of the national symbolic universe is revealed. The Russian symbolic universe is characterized as problematic, experiencing a period of heated discussions on issues of national self-determination; however, it has not lost its consolidating function. It is shown that the national identity of most Russians is formed through the interiorization of the symbols of statehood.

Keywords: ideas and values; national symbols; symbolic space; national identity; symbolic universe; symbol-signifiers; symbols-integrators; symbolic policy of the state.

References

Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. (Russ. ed.: Anderson B. *Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma*. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole. 2001. 288 p.)

Anikin V.A. Crisis and Russian National Identity. — *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. No. 5. P. 203-232. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.12>

Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. (Russ. ed.: Berger P.L., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow: Medium.1995. 323 p.)

Cassirer E. Opyt o cheloveke: Vvedenie v filosofiyu chelovecheskoi kul'tury [An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture]. — *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow: Progress Publishers. 1988. P. 3-30. (In Russ.) URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kassirer-e/opyt-o-cheloveke-vvedenie-v-filosofiyu-chelovecheskoy-kultury> (accessed 10.08.2017).

Drobizheva L.M. Ethnic Solidarity, Civil Consolidation and Prospects for Inter-Ethnic Harmony in the Russian Federation. — *Social Sciences and Contemporary World Journal*. 2014. No. 1. P. 119-129. (In Russ.)

Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Civic and Ethnic Identity and Perception of the Preferable State in Russia. — *Polis. Political Studies*. 2015. No. 5. P. 9-24 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.03>

Dubin B. Vectors and Levels of Collective Identification in Today's Russia. — *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. 2009. No. 2. P. 55-65. (In Russ.) URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/vom_2009.2_100.pdf (accessed 10.08.2017).

Fadeeva L.A. *Kto my? Intelligentsiya v bor'be za identichnost'* [Who Are We? Intellectuals in the Struggle for Identity]. Moscow: Novyi khronograf. 2012. 320 p. (In Russ.)

Gorshkov M.K. Modernizatsionnyi potentsial identichnosti (Vместo predislloviya) [Modernization Potential of Identity (Instead of the Preface)]. — *Rossiya reformiruyushchayasya*. Vypusk 12: Ezhegodnik. Otv. red. M.K. Gorshkov [Russia is Reforming. Issue 12: Yearbook. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novyi khronograf. 2013. P. 3-20. (In Russ.) URL: http://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2013/Gorshkov_Ejegod_2014.pdf (accessed 10.08.2017).

Gudkov L. *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997-2002 godov* [Negative Identity. Articles of 1997-2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, "VTsIOM-A". 2004. 816 p. (In Russ.)

Gudkov L. Structure and Functions of Russian Anti-Americanism: Mobilization Phase 2012-2015. — *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. 2015. No. 3-4. P. 15-44. (In Russ.)

Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. — *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. No. 1. P. 63-77. URL: <http://www.jstor.org/stable/4122906> (accessed: 10.08.2017).

Huntington S.P. Who Are We? The Challenges To America's National Identity. (Russ. ed.: Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti*. Moscow: ACT; Tranzitkniga. 2004. 635 p.)

Jung C.G. *Arkhetyp i simvol* [Archetype and Symbol. One-Volume Works]. Moscow: Renessans. 1991. 343 p. (In Russ.)

Kortunov S.V. *Natsional'naya identichnost': Postizhenie smysla* [National Identity: Comprehension of Meaning]. Moscow: Aspect Press. 2009. 589 p. (In Russ.) URL: <http://www.ino-center.ru/doc/national-identity.pdf> (accessed 10.08.2017).

Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Symbol Problem and Realistic Art]. Moscow: Isskustvo. Publishers. 1995. 320 p. (In Russ.) URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/losev/losev_problema_sim/ (accessed 10.08.2017).

Malinova O.Yu. Symbolic Politics and the Construction of Macro-Political Identity in Post-Soviet Russia. — *Polis. Political Studies*. 2010. No. 2. P. 90-105. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2010/2/8.pdf> (accessed 10.08.2017).

Perspektivy razvitiya politicheskoi psikhologii: novye napravleniya. Pod red. E.B. Shestopal [Prospects for the Development of Political Psychology: New Directions. Ed. by E.B. Shestopal]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta. 2012. 496 p. (In Russ.)

Pipiia K.D. Identification portraits of Russians (on The ISSP and Levada-Center data). — *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. No. 3. P. 38-50. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.03>

Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: ocherki. Pod red. O.I. Zaznaeva [Political Identity and Identity Policy: Essays. Ed. by O.I. Zaznaev]. Kazan': Otechestvo Publishers. 2011. 230 p. (In Russ.)

Popova O.V. Specific Features of Political Identity in Russia and in European Countries. — *Polis. Political Studies*. 2009. No. 1. P. 143-157. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2009/1/11.pdf> (accessed 10.08.2017).

Pushkaryova G.V. Mekhanizmy formirovaniya politicheskikh identichnostei v politicheskom prostranstve sovremennogo obshchestva [Mechanisms for the Formation of Political Identities in the Political Space of Modern Society]. — *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. T. 2. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki. Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke* [Political Identity and Identity Politics. Vol. 2. Identity and Socio-Political Changes in the 21st century. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: ROSSPEN. 2012. P. 99-113. (In Russ.)

Pushkaryova G.V. *Homo politicus: chelovek politicheskii* [Homo Politicus: a Political Man]. Moscow: Argamak-Media. 2014. 336 p. (In Russ.)

Rossiiskaya identichnost' v sotsiologicheskome izmerenii. Analiticheskii doklad [Russian Identity in the Sociological Dimension. Analytical Report]. Moscow: Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk. 2007. 140 p. (In Russ.) URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (accessed 10.08.2017).

Santi-Mazzini D. Araldica: Storia, linguaggio, simboli e significati dei blasoni e delle armi. (Russ. ed.: Santi-Mazzini D. *Heraldry. History, Terminology, Symbols and Meanings of Coats of Arms and Emblems*. Moscow: AST; Astrel. 2007. 594 p.)

Shyuts A. Formirovanie ponyatiya i teorii v obshchestvennykh naukakh [Formation of the concept and theory in the social sciences]. — *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': Teksty*. Pod red. V.I. Dobren'kova [American Sociological Thought: Texts. Ed. by V.I. Dobrenkov]. Moscow: Moscow State University publishers. 1994. P. 481-496. (In Russ.)

Semenenko I.S. Politicheskaya natsiya, natsional'noe gosudarstvo i grazhdanskaya identichnost': na puti v global'nyi mir [Political Nation, National State and Civil Identity: On the Way to the Global World]. — *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. T. 2. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki. Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke* [Political Identity and Identity Politics. Vol. 2. Identity and Socio-Political Changes in the 21st Century. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: ROSSPEN. 2012. P. 41-71. (In Russ.)

Shestopal E.B. Psychological Status of Russian Society between the Latest Parliamentary and the Future Presidential Elections. Comparative Analysis. — *Comparative Politics Russia*. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 119-129. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-119-129>

Soboleva N.A. *Rossiiskaya gosudarstvennaya simbolika. Istoriya i sovremennost'* [Russian State Symbols. History and Contemporaneity]. Moscow: Vados. 2003. 208 p. (In Russ.)

Urnov M.Yu. *Emotsii v politicheskom povedenii* [Emotions in Political Behavior]. Moscow: Aspect Press. 2008. 240 p. (In Russ.)

Tishkov V.A. *Natsional'naya identichnost' i dukhovno-kul'turnye tsennosti rossiiskogo naroda* [National Identity and Spiritual and Cultural Values of the Russian People]. St. Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences (SPbGUP). 2010. 36 p. (In Russ.)

Yadov V.A. Social and Socio-Psychological Mechanisms of the Formation of the Social Identity of the Individual. — *Mir Rossii*. 1995. No. 3-4. P. 158-181. (In Russ.) URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Mir_Rossii_1995_no3-4_Yadov.pdf (accessed 10.08.2017).